

Феноменология времени как философская традиция и философская инноватика

Солощенко П.П.

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Мақалада уақыт пен сана арасындағы өзара байланысты қалыптастыратын философиялық дәстүр талданады. Мұнда уақыт мәселесін әлеуметтік, гуманитарлық және жаратылыстану ғылыми тәсілдер бірлігінде философиялық тұрғыдан шешу ерекшелігі көрсетіледі. Уақыт адам болмысының негізгі категориясы ретінде адамзат тарихы болашағының қазіргі заманғы зерттеулерде маңызды факторға айналуға, ал бұл тиісті ғылыми талдауды ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік практикада қажетті шешімдерді де талап етеді. Жұмыста әлеуметтік қызметтегі тұлғалық бастаманы сақтаудың қажетті шарты ретіндегі қоғам мен адам болмысы уақытына саналы қатынастың мәдениетін қалыптастыру талабы негізделеді.

The article examines the philosophical tradition, which establishes the relationship between time and consciousness. Shows the specificity of the philosophical solution to the problem of time in the unity of socio-humanitarian and natural science approaches. Time as a fundamental category of human being becomes an important factor in modern research perspectives of human history, requiring not only an appropriate scientific analysis, but adequate solutions to social practice. The arguments claim a culture of conscious attitude at the time of human existence and society as a necessary condition for preservation of personality in social activities.

Время, как универсальная категориальная форма, принимает специфический и не редуцируемый к иной сущности облик на каждом из объективных уровней организации действительности. Поэтому исследование времени в качестве фундаментальной социально-культурной категории позволяет не только выявить времяобразующий характер непосредственной жизнедеятельности, но и понять мироощущение и мировосприятие эпохи в неразрывной связи с сознанием человека. Важная мысль о том, что время не только существует объективно, но и субъективно переживается, осознается людьми, все настойчивее проникает в проблемное поле не только социогуманитарных, но и естественно-научных исследований. Собственно, сама способность мыслить предполагает время, необходимое для становления мысли как события. Поэтому и способна человеческая мысль открывать и временное измерение нашего предметного мира, и временную структуру нашего собственного сознания. Временные закономерности различных процессов обусловлены качественными характеристиками этих процессов, следовательно, физическое время, отражающее равномерные циклические процессы в природе, является условной мерой для сложноорганизованных систем, в том числе и социальных, с присущим им историческим временем, соответствующим специфике практической деятельности и сознания людей. Весьма вероятно, что многие наши проблемы социального и личного бытия обусловлены конфликтом между организацией внутреннего времени в деятельности сознания и индифферентным состоянием времени окружающей действительности. Ведь только человек как самосознающее существо обладает способностью удерживать единым актом рефлексии в настоящем переживание своего прошлого и воображение о собственном будущем. Поэтому фактор времени все активнее вторгается в современные размышления о перспективах человеческой истории, требуя не только соответствующего научного анализа, но и необходимого сознательного отношения ко времени в социальной практике.

Философская рефлексия времени, синтезируя эмоциональное отношение ко времени повседневной жизнедеятельности с рациональными приемами определения категориального статуса времени, за долгую историю своего развития выработала достаточно много концепций, в которых связь между временем и сознанием является краеугольным камнем выяснения сущности каждого из этих феноменов. Краткая характеристика такого рода концепций была дана таким известным представителем феноменологического направления в философии, как Э.Гуссерль: «Естественно, что такое время, знаем мы все: оно есть наиболее известное. Однако, как только мы делаем попытку отдать себе отчет об (о) сознании времени, установить верное отношение между объективным временем и субъективным сознанием времени и понять, каким образом временная объективность, следовательно, индивидуальная объективность вообще может конституироваться в субъективном сознании времени, и как только мы делаем попытку подвергнуть анализу также чисто субъективное сознание времени, феноменологическое содержание переживаний времени, мы вовлекаемся в сферу весьма специфических трудностей, противоречий, смешений» [1; 5]. Но именно в философском опыте эмоционально-рационального овладения временем человек способен осмыслить всю важность признания того факта, что время, оставаясь объективно существующим фактором продолжительности нашей жизни, не остается, благодаря деятельности сознания, всего лишь образом физического времени. Наоборот, та форма, которую принимает время в нашем сознании, связывает нас с многообразием возможностей в деятельности, с разнообразием способов общения в культуре и истории, с потенциально неограниченным творческим участием в улучшении социальной организации нашей жизни. Сам факт обращения к опыту философов прошлых времен доказывает, что время как форма сознания является реальностью, с которой необходимо считаться.

Уже в трактовке Аристотеля, который, в свою очередь, опирался на предшествующую философскую традицию, время есть «число считаемое, а не посредством которого считаем» [2; 149]. Когда у нас самих мысли не изменяются или мы не отмечаем в своем сознании, что происходят изменения, нам не будет казаться, что прошло некоторое время. Содержательный характер времени подтверждается также и тем, что непосредственное переживание момента «теперь» каждый раз наполняется новым смыслом. Времени «прежде и после» всегда приходится быть иным, так как «теперь» различны» [2; 151]. Постоянная подвижность, изменчивость времени может быть объяснена подвижностью и изменчивостью самих материальных предметов, для которых время определяется в качестве «меры движения». Но Аристотель, спрашивая о том, «будет ли в отсутствие души существовать время или нет», дает достаточно определенный ответ. Поскольку время есть число считаемое, то оно не может существовать без считающего. Это значит, что считать может только «душа» или «разум души», и потому «без души не может существовать время» [2; 156]. Признавая за сознанием («разумом души») способность измерять время, тем самым утверждая его существование, Аристотель не отрицает и универсальности времени, которое «везде одно и то же», «всюду едино» [2; 158]. Таким образом, проведенный Аристотелем анализ связи времени и сознания показывает: 1) время, взятое как общее становление бытия, является везде одинаковым количественным временем, «числом», которое нуждается в самом тщательном учете и измерении; 2) время, как состоявшееся «теперь», является по своему ставшему качеству везде разным, так как переживается и оценивается по-разному; 3) необходимым условием, как количественного измерения времени, так и его качественного переживания, является деятельность сознания, в котором объективный характер времени признается через субъективное отношение. Предложенная Аристотелем идея об оформлении времени сознанием и о формировании сознания как временного получила свое дальнейшее развитие у многих философов.

Не ставя перед собой задачу исследования проблемы времени в историко-философском ключе, считаем необходимым назвать неоплатоника Плотина, формула которого «время есть жизнь души, пребывающей в переходном движении от одного жизненного проявления к другому» является утверждением «чисто смыслового характера времени» [3; 113]. Или Августина Аврелия, который в своем страстном стремлении узнать, что же есть время, достиг понимания времени в своей душе: «В тебе, душа моя, измеряю я время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряя время. Вот где, следовательно, время или же времени я не измеряю» [4; 176]. У Декарта, различавшего длительность как атрибут протяженной субстанции и время как модус мыслящей субстанции, способность разума «мыслить истинную длительность вещей» и составляет сущность времени, без которого невозможна интеллектуальная свобода мыслителя [5; 98,99]. Хорошо известна и позиция Канта, для которого время является априорным условием познания, необходимым для реализации активной дея-

тельной природы сознания. «Время, — писал он, — не есть что-то объективное и реальное: оно не субстанция, не акциденция, не отношение, а субъективное условие, по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону, и чистое созерцание» [6; 400]. В философии XX в. проблема времени в его соотношении с сознанием становится фундаментальным основанием для размышлений о смысле человеческого бытия, истории, культуры, связывается с поисками новых мировоззренческих ориентиров в кризисных ситуациях, возникающих в условиях стремительно нарастающего темпа всемирно-исторических перемен. Указав на имена А.Бергсона, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, мы обратим наше внимание на те философские концепции, в которых понимание времени как формы сознания оказалось связано не только с поисками новых идей в самой философии, но и с осмыслением социального времени и исторического своеобразия той эпохи, в которой, собственно, и появились эти философские концепции.

«Временность обнажается как смысл собственной заботы», — так сказал М.Хайдеггер [7; 326]. При всем своеобразии авторского философского языка мыслителя это выражение может быть интерпретировано, на наш взгляд, как стремление философии XX в. обратить внимание мыслящего человека на то, что в нашем сознании отсутствует уверенность в укорененности нашего существования во времени, отсутствует признание ценности жизни каждого родившегося человека, отсутствует продуманное и ответственное отношение к неповторимости каждого прожитого мгновения. Современное человечество, ставшее единым целым, в масштабах физического времени, по-прежнему разобщено в своем историческом, культурном, социальном, индивидуальном темпорализме. Мы сталкиваемся с масштабными вызовами космоса, природных стихий, цивилизационных конфликтов различного рода, которые опережают нашу способность их предвидеть и предотвратить во времени. Мы уже оказались в такой ситуации, когда больше нельзя игнорировать факты, ставящие под вопрос нашу уверенность в перспективах дальнейшего существования человечества. Неуверенность в завтрашнем дне, которая в бывшем СССР приписывалась только гражданам капиталистических стран, сегодня является состоянием большинства цивилизованного человечества, особенно той его части, которая следит за выпусками новостей, где всевозможные эксперты от науки и политики соревнуются в апокалипсических прогнозах ближайшего и отдаленного будущего.

Поэтому результаты философских размышлений о времени в его связи с деятельностью сознания уже не могут оставаться только эзотерическим знанием посвященных, а требуют своего применения в определенной социальной практике, связанной с формированием новой культуры обращения со временем. Сознательное отношение ко времени, став критерием эффективности социальных изменений, позволит охватить всю целостность отношений человека с миром — в природе, в обществе, в межличностном общении, требуя совершенствования систем управления социальными взаимоотношениями и процессами взаимодействия общества и природы для обретения уверенности в готовности ответить на вызовы времени.

Рост уровня культуры осознания времени невозможен без объединения усилий естественнонаучного и социогуманитарного знания. В лице В.И.Вернадского мы находим яркий пример стремления научной мысли XX в. к такому объединению. Внимательное изучение биологической организации жизни, по его утверждению, существенно меняет представления о пространстве, времени, энергии и других основных элементах мироздания. Явления жизни необратимы во времени, что отличает их от безжизненных явлений, для которых время обратимо. Жизнь как таковая имеет собственное, специфическое движение, несводимое к физико-химическим взаимодействиям. Сутью жизни является творческое становление, в котором есть место как новым условиям для жизни, так и новым жизненным формам, возникающим в результате самоорганизации. Не случайно, что подтверждение своим мыслям о существовании особого биологического времени В.И.Вернадский обнаружил в философском творчестве А.Бергсона.

«Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше «я» просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали. Для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длиться» [8; 93]. Само по себе это течение не имеет никаких точек, отметин, по которым можно его реферировать, оно интуитивно, представляет собой чистую длительность, говорит Бергсон. Его нельзя в обыденной жизни заметить, его можно только пережить. Таким образом, согласно его представлению, человек живет не во времени, он своей жизнью «длит время». И поскольку никаких внутренних свойств его человек заметить не мо-

жет, он принимает внешние отметки за течение времени, за причину, вызывающую течение времени. Реальная длительность, по Бергсону, и есть сама человеческая жизнь.

В.И.Вернадский распространил понятие Бергсона о длительности как реальном процессе жизни на все живое вещество, поскольку человек неотделим от всего остального универсума, он «временит» одновременно с ним. Время у Бергсона «есть время реальное, проявляющееся в процессе творческой эволюции жизни; оно выражается в научных явлениях и фактах и как таковое может изучаться и в науке, и в философии... Здесь мысль Бергсона очень глубоко проникла в реальное явление времени, в его научном аспекте. Развитие этой стороны представлений Бергсона сейчас в научной работе получает, мне кажется, большое значение... Время идет в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так этот порыв и эволюция есть основное условие существования Мира. Время есть проявление — созидание — творческого мирового процесса» [9; 109]. Человек в ноосфере является выразителем природных процессов и вместе с тем своей деятельностью «очеловечивает» природу, изменяет ее. В ноосфере должно осуществиться единство гео-био-социохронологической реальности в качестве нового этапа эволюции живого вещества во Вселенной. Единство времени человечества и времени природы предопределено самой «вселенскостью» жизни людей, в каком бы месте биосферы они ни находились. Однако синхронизация ритмов природы и общества, вне которой, собственно, и возникают экологические проблемы, может быть достигнута только путем единства всех людей в осознании ответственности за дальнейшее развитие биосферы во времени.

Еще один мощный импульс новому пониманию значения времени был придан исследованиями И.Пригожина, философские взгляды которого на время были изложены в написанной совместно с И.Стенгерс книге «Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой». Убеждаясь все больше в том, что мы живем в плюралистическом мире, — отмечает И.Пригожин, — наука вновь открывает для себя время. Наука постепенно избавляется от такой основополагающей классической предпосылки своих исследований, как представление о том, что мир устроен просто и подчиняется обратимым во времени фундаментальным законам. Современные же исследования показывают, что важную роль во всех процессах играют необратимость, многовариантность, вероятность, случайность. Новое концептуальное понятие о самоорганизации не может обойтись без времени. Время конструируется в самом процессе самоорганизации, поскольку будущее не задано. Реальность открывается нам только в процессе активного построения, в котором мы участвуем. «Примечательно, что восприятие ориентированного времени возрастает по мере того, как повышается уровень биологической организации и достигает, по-видимому, кульминационной точки в человеческом сознании» [10; 369]. Осознание своей причастности к необратимым мировым процессам не является субъективным впечатлением, отчуждающим нас от внешнего мира, а является своего рода указанием человеку на его соучастие во всем, что происходит в мире. Любая деятельность ориентирована во времени, и с этой точки зрения человек занимает в мире особое положение. Теперь мы знаем, — констатирует И.Пригожин, — «что время — это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую этическую ответственность» [10; 386].

Преодоление разобщенности естественнонаучных и гуманитарных исследований с помощью их вовлеченности в анализ времени человеческого бытия позволяет более ответственно подходить к использованию результатов этих исследований в социальной практике. Сознание того, что время принадлежит нам именно в той мере, в какой мы не уклоняемся от ответственности познать, понять, освоить его в своем индивидуальном и социальном опыте, позволяет формировать оптимистические варианты становления нашего будущего. При этом и уже ставшее прошлое обретает новый смысл, как необходимое духовное наследие, без сохранения и активного освоения которого мы утрачиваем свою временную целостность в истории. Историческое и есть такая конкретная и цельная реальность, в которой человек является одновременно и субъектом и объектом истории, а настоящее пребывает в прошлом и будущем.

Поэтому, например, в философии Н.А.Бердяева проблема исторического неразрывно связана с вопросом о специфике времени. Различая время космическое, историческое и экзистенциальное, или «метаисторическое», Бердяев подчеркивает, что уже историческое время, отличаясь от космического, направлено к грядущему, к новизне, в нем каждое событие неповторимо. А время экзистенциальное целиком зависит от напряженности переживаний, здесь нет различия между прошлым и будущим, концом и началом, но совершается вечная мистерия духа. Поэтому необходимо именно духовными усилиями преодолевать эмпирическое, «дурное», «разорванное» время, в котором настоящим «пожирается прошлое», само настоящее, оказываясь ускользающей малой величиной, легко приносится в

жертву будущему, а будущее становится культом, во имя которого различные теории исторического прогресса приносят в жертву настоящее и предают забвению будущее. Истинная философия истории «есть философия победы истинной жизни над смертью, есть приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией» [11; 17]. В истории осуществляется свобода личности, а значит, существует и непредсказуемость исторического процесса. Погруженная в объективированный, равнодушный к трагизму человеческого существования мир личность способна осознать себя творческой субстанцией, способной возвыситься над эмпирическими условиями своего существования, во времени осуществить прорыв в вечность. История есть путь к иному миру и подготовка к нему человечества. «Разрывается связь времен, замкнутый круг мировой действительности перестает существовать; в него сливаются энергии иных ступеней действительности, история нашего мирового времени кончается и потому только и приобретает смысл» [11; 160]. Но обретение смысла за пределами мирового времени не может состояться без сознательных усилий поиска смысла в пределах мирового времени. Сознание человека — сосредоточие сил открывающих и удерживающих смысл как вневременный абсолют для всего длящегося во времени.

Мысль о том, что мир не устроен как законченная целостность и поэтому в нем всегда найдется место для каждого, кто готов решиться на сознательное усилие понять свое бытие во времени, настойчиво проводится в философских исследованиях проблемы сознания М.К.Мамардашвили. Понять предназначение человека в этом мире выступает как задача для сознания установить какую-то связь или соотношенность человека с иной реальностью, помимо реальности, его окружающей. В своей сущности сознание характеризуется не только мгновенной координируемостью множества связей и элементов, но и одновременно какой-то неведомой способностью удерживать эту координацию во все разрушающем потоке времени. Жизнь человека есть усилие во времени по сохранению себя в акте сознания. Размышляя о сознании в его соотношенности с цивилизацией, М.К.Мамардашвили, опираясь на идеи Декарта, писал, «что возможность способна реализоваться только мной при условии моего собственного труда и духовного усилия к своему освобождению и развитию (это, конечно, труднее всего на свете)... В вечно становящемся мире для меня и моего действия всегда есть место, если я готов начать все с начала, начать от себя, ставшего» [12; 110]. Почему все это важно именно в контексте понимания связи сознания и цивилизации? Наверное, потому, что никакой гарантии сохранения цивилизации в объективно существующей реальности нет. Более того, как отмечает Мамардашвили, XX в. обозначил явную угрозу гибели цивилизации, противостоять которой можно только умением мыслить. Умение мыслить состоит в том, чтобы быть собой в следующий момент времени. «При этом то, что я есть сейчас, не вытекает из того, что я был перед этим, и то, что я буду завтра или в следующий момент, не вытекает из того, что я есть сейчас» [12; 114]. Цивилизация, сохраняясь этим усилием сознания по удержанию мысли в каждый момент времени, «как раз и обеспечивает, чтобы нечто пришло в движение и разрешилось, установился смысл и ты узнал, что думал, хотел, чувствовал... Но тем самым цивилизация предполагает, следовательно, и наличие в себе клеточек незнаемого. Если не оставлять места проявлению не вполне знаемого, цивилизация, как и культура (что, по сути, одно и то же), исчезает» [12; 115].

На наш взгляд, цивилизация, как наиболее высокий уровень социальной самоорганизации, может успешно развиваться только в том случае, когда большинство индивидов, ее образующих (а в идеале все), обладают стратегией сознательного отношения ко времени. Стратегией, в которой есть время для личного осознания себя в качестве необходимого начала социальной целостности, в которой есть время «найти и обрести себя» (Г.С.Батищев). Опираясь такая стратегия должна на устойчивую связь между коллективным временем и временем индивида, проводимую в каждом виде социальной деятельности. Не человека надо поворачивать к обретению социального времени в своем сознании, а общество — к сознательному отношению к индивидуальному времени человека, преодолевать ограниченность пространства наличных массовленных социальных отношений для овладения временем развернутого реального многообразия индивидуальностей. Во времени своего индивидуального развития человек всегда превышает социальное, что для выдающихся людей, зачастую, оборачивается трагедией непонимания и неприятия в своей современности. Большинство же, начиная свою жизнь во времени как неповторимая уникальность, для которой время детства наполнено громадностью возможностей в мире, проходя этапы социализации (такие, например, как «всеобщее среднее образование» в нашем обществе), утрачивает свою «незаместимость» во времени, становясь деталями единого хронометрического механизма, принося себя в жертву культуре точности физическо-

го времени. И мечтает «социально адаптированный» человек в своем сознании о том, чтобы найти время для чего-то важного, но не востребованного в повседневности, на что всегда не хватает времени:

*На свете счастья нет, но есть покой и воля,
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*
(А.С.Пушкин)

Таким образом, несмотря на всю свою многовековую философскую историю, а скорее всего, благодаря этой истории, проблема времени продолжает удерживаться в поле нашего сознания во всем многообразии своих интерпретаций. И уже не столько специальное философское исследование времени требует своего осуществления, сколько сама философия, как способность человека соответствовать «духовной ситуации времени» (К.Ясперс), ставится временем под вопрос. Философская традиция феноменологического понимания времени, пройдя через критику со стороны естественнонаучного знания, обретя прагматическую направленность в исследованиях социальной философии и философии истории, оказалась, так или иначе, задействована во всех теоретических концепциях современного социогуманитарного знания. Теперь необходимо сделать следующий шаг — утвердить в качестве мировоззренческого и методологического начала желаемых социальных преобразований всю полноту и богатство душевно-духовной жизни человека в его сознательном и ответственном отношении ко времени. Философская инноватика, исходя из радикального утверждения временности человеческого бытия, связывает фактор времени со свободой и ответственностью человека в принятии решений, основанных на его экзистенциальных возможностях. «Только сущее, которое существенным образом есть будущее в своем бытии... которое в качестве будущего, равно изначально есть и бывшее, способно, перенимая для себя самого унаследованную возможность, принимать собственную заброшенность и в данный момент быть для «своего времени». Только свойственная ему временность, которая к тому же конечна, делает возможным нечто подобное судьбе, т.е. свойственную ему историчность» [7; 385]. Современная история предстает в нашем сознании как равноправное разнообразие возможностей, которые в равной мере составляют взаимопонимание и сотрудничество вместе с антагонизмом и борьбой, взаимное согласование усилий и одновременно взаимные помехи. Поэтому у философии, занимающейся феноменологией времени, появилась неординарная задача — исследовать все возникающие варианты понимания смысла истории как раскрытия временности бытия человека в его уникальности и неповторимости.

Список литературы

1. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. — Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени: Пер. с нем. / Сост., вступ. ст., пер. В.И.Молчанова. — М.: Изд-во «Гнозис», 1994. — 192 с.
2. Аристотель. Сочинения: В 4 т. — Т. 3: Пер., вступ. ст. и примеч. И.Д.Рожанский. — М.: Мысль, 1981. — 613 с.
3. Максименко В.П. Время как философская проблема и ее решение у Плотина // Вестник Карагандинского университета. Сер. гуманитар. наук. — 1996. — № 2. — С. 110–117.
4. Августин Аврелий. Исповедь: Абельяр П. История моих бедствий: Пер. с лат. — М.: Республика, 1992. — 335 с.
5. Солощенко П.П. Категория времени в философии Рене Декарта // Гуманитарные науки: Сб. науч. тр. — Ч. I. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2010. — С. 97–101.
6. Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф.Асмуса, А.В.Гулыги, Т.И.Ойзермана. — М.: Мысль, 1964. — Т.2. — 511 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время: Пер. с нем. В.В.Бибихина. — М.: Ad Marginem, 1997. — С. 451.
8. Бергсон А. Собрание сочинений в четырех томах. — Т. 1: Пер. с фр. — М.: Московский Клуб, 1992. — 336 с.
9. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе: В 2 кн. / В.И.Вернадский. — М.: Наука, 1975. — Кн. 1. — 175 с.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И.Аршинова, Ю.Л.Климантовича и Ю.В.Сачкова. — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.
11. Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А.Бердяев — М.: Мысль, 1990. — 175 с.
12. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М.Мамардашвили; сост. Ю.М. Сенокосова. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Прогресс: Культура, 1992. — 415 с.